

Михаил Бурляш

АЛЛЮР ТРИ КРЕСТА
РУССКАЯ МИСТИКА

Михаил Бурляш
Аллюр три креста.
Русская мистика

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28264683
ISBN 9785449010445*

Аннотация

«Аллюр три креста» – шестой сборник автора и вторая его книга, полностью посвященная русской мистике. Обручальные кольца, тени великих, немое кино, наследство Ивана Грозного, цыганское ожерелье и заброшенное кладбище в самом центре города – все это сплетает таинственный узор, в который цветными нитями вплетены судьбы каждого из нас. Большинство рассказов сборника публикуется впервые.

Содержание

Другой берег	5
Жук	11
Слуга Ивана Грозного	14
Думка	23
Жальник на горе	32
Кафтан	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Аллюр три креста Русская мистика

Михаил Бурляш

© Михаил Бурляш, 2017

ISBN 978-5-4490-1044-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Другой берег

– Видишь вон ту парочку? – она, наконец, оторвала от меня взгляд и метнула его куда-то в сторону.

Я проследил направление и увидел невдалеке парня и девушку, бодро шагающих в сторону моста. У парня в руке был зонт-трость, девушка в светлом платье размахивала белой дамской сумочкой с длинным ремешком. Они держались за руки и весело болтали, не замечая надвигающийся на них сзади черной грозовой тучи.

– Им остались считанные минуты жизни, – продолжила она, повернувшись ко мне.

Я хмыкнул.

– Что за ерунду ты несёшь?

– Это не ерунда. Я просто вижу, как из них выходит жизнь. Через несколько минут будет вспышка, и их души уйдут.

Я посмотрел на неё внимательней. Невысокая и хрупкая, в длинном темном платье, на вид совсем юная. Темные глаза казались чёрными в сумраке надвигающейся грозы. Короткое темно-каштановое каре обрамляло лицо словно шапочка пловца – тонкие волосы лежали ровно, волосок к волоску, как будто ветра не было вовсе.

Я прислушался – ветер и вправду утих; настало какое-то звенящее затишье, словно город выключил все звуки. В сердце кольнула тревога. Вдруг подумалось – а что, если она го-

ворит правду? Я снова взглянул на парочку.

Они стояли на пешеходном переходе и ждали зеленого. От моста их отдаляло всего несколько метров. Сейчас они перейдут дорогу, дождавшись, когда поток машин на минуту замрет, и окажутся на мосту.

– Что-то случится на мосту? Авария? Ураган? – я попытался хотя бы что-то узнать.

– Не знаю, – её взгляд потерял резкость. – Я вижу только вспышку и два пустых тела, без души. Я не могу предсказывать смерть заранее, но всегда вижу её за несколько часов или минут.

– Может, остановить их, – я дернулся было в сторону моста, но она схватила меня за рукав.

– Нет! Это бесполезно. Из них утекает жизнь, это видно. Даже если ты их остановишь, это ничего не изменит. Случится что-то другое. Нельзя изменить ход судьбы...

По душе прошел холодок. Захотелось оказаться где-то далеко, вдали от этих цепких рук и глаз.

На переходе закрипели тормоза, машинам мигнул красный, пешеходам зеленый. Вернулись звуки и ветер, который бесцеремонно разрушил ровную гладь её прически. Мне на руку упало несколько крупных капель, и тревога внутри утихла. «Несет девчонка ерунду, а ты, дурак, и повелся», – подумалось беззаботно.

– Дождь начинается, – сказал я вслух. – Пойдем, спрячемся где-нибудь. Тут рядом остановка. А хочешь, можем в ка-

фе зайти, это ещё ближе. У них всегда вкусный кофе.

– Хорошо, – она согласилась, отпустила рукав и взяла меня под локоть. Пока мы шли в кафе, туча закрыла собой небо, а капли превратились в тонкие струйки, которые ветер по своему усмотрению раскидывал во все стороны. Входя в кафе, я ещё раз оглянулся на мост – парочка уже была на нём; парень раскрыл большой черный зонт, прикрывая себя и спутницу от небесной воды. Две тонкие фигурки – темная мужская и светлая женская – быстро удалялись, видимо надеясь успеть на другой берег до того как хлынет настоящий ливень.

Мы сели на барные стулья и заказали две чашки эспрессо. Когда зашумела кофе-машина, на улице сверкнула яркая вспышка. Молния. «Молния!» – мелькнула в голове догадка, но додумывать не хотелось.

Забыв обо всем, я смотрел в сторону моста. Шум кофе машины, потоки льющейся по стеклу воды, её холодная рука, лежащая рядом с моей – все это делало картину в окне какой-то ненастоящей, киношной. Раздался долгий и пугающий звук грома, и молния сверкнула снова. На этот раз я четко увидел её костлявую кисть, которая длинным перстом ткнула совсем рядом, прямо в середину моста, соединяющего два берега.

Как-то разом всё стихло. Дождь ещё молотил по стеклу и крыше, но уже затихая. На улице стояла влажная мгла, но туча уходила и становилось чуть светлее. Я всмотрелся

в сторону моста – парочки не было. Напрягая глаза, я пытался рассмотреть хотя бы что-то, но безуспешно.

И вдруг в самом центре моста остановилось несколько машин.

Сердце снова сжалось. Не может быть!

– Ваш кофе, – резкий голос официанта прозвучал над ухом как иерихонская труба.

Я дернулся и вскочил. Сердце култыхалось как маятник в старых часах с боем, которые грузовик везет на свалку.

– Я на минуту, – сказал я ей, – Пожалуйста, дождись меня! Выпей кофе, согрейся. Я сейчас вернусь!

Выскочив из душистой кафешки в сентябрьскую морось, я побежал к мосту. За ту минуту, пока я бежал, на нём создавалась значительная пробка. Машины тормозили друг за другом и отчаянно сигналили, не понимая, что происходит.

Я понимал.

Несколько человек толпились вокруг темной и светлой человеческих фигур, лежащих на мокром асфальте.

– Я врач, пропустите, – сказал я на автомате и люди расступились.

Парочка, весело болтавшая ещё несколько минут назад, была мертва. Я пощупал у обоих пульс, попытался разглядеть зрачки – всё было без толку. Лица и шеи обоих были разрисованы причудливыми красно-синими прожилками – словно их замершие навсегда артерии проступили на коже. Обгоревший скелет зонга валялся на дороге. Белая сумочка

была крепко зажата в мёртвой девичьей руке...

– Я как раз подъезжал, и тут молния кааак сверкнула! И прямо в зонт к нему вся ушла, – с истерическими всхлипами рассказывал какой-то парнишка.

– Они как подпрыгнут оба и как будто вспыхнули прямо! Дождь почти перестал. Сзади сигналили стоящие в пробке машины, из них выходили люди. На мосту собиралась толпа.

– Скорую кто-нибудь вызвал? – спросил я.

– Я вызвал, – мужчина лет сорока переминался с ноги на ногу.

Это было бессмысленно, но я зачем-то сказал:

– Позвоните ещё раз. Скажите, что машину надо с другого берега отправить – с этой стороны пробка. А вообще разьежжались бы вы, господа...

...В кафе было пусто. На стойке у окна стояли две чашки. Одна с холодным эспрессо, другая – с горкой гуши на дне. Я заглянул внутрь, как будто пытаюсь там что-то найти. Чашка была пуста, на дне четко просматривался размазанный кельтский крест.

– С Вас двести рублей, – сказал официант с пронзительным голосом. – А девушка Ваша ушла. Я и не заметил, когда... Странная она у Вас.

Я взглянул в окно. Пробка на мосту потихоньку рассасывалась. В парке напротив моста уже зажглись фонари. В лучах их тусклого света можно было разглядеть удаляющуюся

женскую фигурку в длинном платье и с небольшой головкой, как будто обтянутой шапочкой пловца.

Жук

– Смотри, какой красавчик! – Валерка тыкал ей в лицо что-то тёмное и шевелящееся. Едва разлепив глаза от обездвигившей её прямо на пляжном полотенце лёгкой дрёмы, Юлька сфокусировала взгляд и завизжала не своим голосом. Пулей скинув сонное оцепенение, она вскочила на ноги и закричала:

– Убей его! Убей! Какая гадость! Ужас!

В руке у Валерки шевелил лиловыми рогами блестящий жук-носорог. Парень держал его за спину, и жук растерянно перебирал цепкими черными лапками. Валерка чуть придвинул жука к Юльке, пытаясь убедить её в красоте странного насекомого и не понимая, что девушка на грани истерики.

Юлька подняла с песка цветной пляжный тапок и, не переставая вопить, со всего размаха ударила по жуку, выбив его из Валеркиной ладони.

– Ты что?! Больно же! – ойкнул Валерка, потирая ушибленную руку. Такой разъяренной свою девушку он ещё не видел. Загорающие на песке у Петропавловской крепости зеваки с любопытством поглядывали в их сторону.

– Ты просто не понимаешь, – захлебываясь в истерике скороговоркой кричала Юля, срываясь на визг. – Я ненавижу жуков! Они мерзкие, отвратительные. Фу! Как можно быть таким дебилом?! Не подходи, ты держал его! Ещё и в лицо

совал. Дурак!

Она психанула и ушла, бросив: «Не ходи за мной». Это была их первая крупная ссора с момента приезда в Питер. Потом он страшно корил себя за то, что не пошёл тихонько за ней следом. Но тогда, глядя, как развевается на балтийском ветерке подол её белого сарафана, лишь раздраженно подумал: «Ничего, пусть перебесится. Подумаешь, жук...»

Вечером на канале Грибоедова случилась трагедия.

Какой-то лихой аквабайкер, желая покрасоваться перед публикой, нарезал круги, проносясь всё ближе и ближе к кафешке, расположенной на понтонной площадке у самой воды. Каждый раз отдыхающих обдавало сотней сверкающих в закатном солнце брызг. Грозные мужские окрики и девичий визг лишь раззадоривали лихого наездника. Когда он в очередной раз направил свой аквабайк в сторону кафешки, тот вдруг перестал слушаться и, сбросив седока, вылетел на сушу, врезавшись в один из столиков! В тот самый, за которым одиноко сидела Юля.

Как в замедленной киносъемке она увидела летящую прямо на неё пластиковую махину и сразу поняла, что это летит её Смерть. «Господи! Я так хочу жить! Жить! Жиийить!» — успела подумать Юля до того, как её мысли заглушил хруст костей и грохот разносимых мотоциклом столов и стульев...

...Когда она открыла глаза, вокруг была густая зелёная трава, с прямыми как у осоки стебельками. «Густая как ковьёр», – подумала Юлька и подняла взгляд. Над ней плыли

пушистые оладыи облаков, поджаренные до золотистой корочки пекарем-Солнцем. «Как же хорошо жить!» – подумала Юлька и собралась встать. Но тут кто-то схватил её сзади огромной сильной рукой и поднял в воздух.

– Смотри, что я нашел! – прокричал мужской голос. – Правда, симпатяжка?

Юлька увидела, как к ней приближается огромное женское лицо. Лицо смотрело с ужасом. Большой, с дверной проём, рот медленно открылся, и из него раздался оглушающий вой:

– Где ты взял этого мерзкого жука?! Немедленно убери его от меня! Убей его! Убей! Убей!..

Слуга Ивана Грозного

Зона стояла в верховье, чуть выше того места где небольшая речушка неслышно впадала в русло. Ниже по течению жил своей тихой жизнью старинный русский городок, который облюбовали туристические фирмы, специализирующиеся на иностранцах. Дороги в округе были отвратительные и потому зарубежные туристы доставлялись в городок в основном водным транспортом. Каждый раз, когда вертухаи на вышках видели мерцающие на фоне водной глади огоньки, они знали – плывёт очередной теплоход с иностранцами.

Бывалые сидельцы везде любят травить байки. Местные любили рассказывать не только про лихих воров и обведенных вокруг пальца прокуроров, но и про то, в каком особенном месте стоят здешние зоновские бараки. Место было странное, нехорошее. До зоны здесь был ГУЛАГовский лагерь, о чем свидетельствовал небольшой и практически непосещаемый музей неподалёку, хранящий свидетельства тысяч человеческих трагедий. Предшественником лагеря был острог, в котором отбывали каторгу душегубцы. А до острога, говорят, здесь казнили лиходеев – кому головы отрубали, кого четвертовали. А началось всё с одной истории, не вошедшей в учебники истории.

Дело было лет пятьсот тому назад. Странно, что слух об этом вообще дошел до наших дней; хотя, людская молва

способна сохранить в своей памяти многое из того, о чем из политических или иных соображений умалчивают летописцы.

Я услышал эту историю от старого зэка по прозвищу Боцман, который провёл в той зоне свой первый срок. Наши судьбы пересеклись, когда я ещё только знакомился с миром под названием «тюрьма». Ему тогда было далеко за шестьдесят. Впервые его закрыли, когда ему стукнуло двадцать два. Кто-то из тогдашних старожилов рассказал ему предысторию «Лихоборов» – так сидельцы называли местную зону.

У Боцмана не было передних зубов – выбили однажды в драке где-то на золотодобыче. Во всяком случае, он так говорил. Будто намывал золото на прииске с дружками, и вдруг среди золотого песка кому-то алмаз попался, красивого розового цвета. Тут свора и началась, молотили друг друга, чем ни попадя, а Боцману черенком от лопаты по зубам попали. Сам он про это рассказывал так. «Психанул я шибко тогда и вцепился в глотку своему кентурику так, что у него глаза повылазили. Если бы не оторвали – задушил бы насмерть. За ту драку первый раз и подсел. А алмаз липовый оказался, гиацинт это был, копейки стоил... Менты его как вещьдок забрали».

На левом плече у Боцмана была татуировка в виде якоря – за нее он, собственно, и получил своё погоняло. Наколот ещё в армии, когда на флоте служил. Однажды, когда мы с ним дымили на пару, речь зашла за татуировки, и он вдруг рас-

чувствовался.

– Наколел я себе якорь, чтобы домой вернуться, – говорит, – примета такая у моряков есть. – Мы пошли в долгий рейс, на учения. СССР тогда войска в Прагу ввел, и вся армия была приведена в боевую готовность. У нас прошёл слухок, что может и на море придется военные действия вести. Молодой я был, зелёный совсем, стрёмно мне стало, мало ли что. Свечки ставить некому было, икон Николая Чудотворца на борту не водилось – пришлось вот татуировку сделать. Ну типа оберега. А вышло так, что уж седьмой десяток пошел, а домой всё никак не доберусь. Да и где он теперь, этот дом..?

Мы неспешно курили за тыльной стороной барака, куда не добирались взгляды вертухаев и вяло переговаривались о том, о сём. Разговор плавно перешёл на зоны и СИЗО. Мне было особо не о чем рассказывать, так как до колонии я был только во Владимирском Централе, да и то недолго. А вот Боцмана жизнь потрепала, пошвыряла по разным тюрьмам, да пересылкам; и по красным, и по черным. Но сильнее всего в память ему врезалась «Лихоборы». Первая зона – она как первая женщина, и захочешь, не забудешь.

– Место там такое непростое... – начал свой рассказ Боцман. – Я не особо впечатлительный, но по утрам, когда туман от реки шёл, чудилось, что бараки стоят на берегу молочной реки с кисельными берегами, как в сказке какой. Только сказка эта невесёлая, с чудящими и страшилищами. И туман со сгустками и тенями, как будто в нем бродит кто-то

потусторонний. Народ в зоне не из пугливых, сам знаешь, но по вечерам многим не по себе становилось. Как будто в воздухе напряжение какое-то нагнеталось. А ночами тишина мертвая, только плеск воды иногда слышится. И огоньки мерцают.

– Что за огоньки? – уточнил я, – городские?

Боцман взглянул на меня как-то странно и продолжил.

– Да нет. Не городские. Скорее речные. «Лихоборы» ж как раз на излучине реки стоят, на повороте. Да ещё и на холме. Сверху многое видно. Говорят, в старину на этом месте стоял терем боярский, больше похожий на крепость. А в тереме обитал один душегубец... С него то и пошла порча на это место.

Боцман затаился и выдохнул. Его лицо скрылось в облаке дыма как в том самом сказочном тумане над кисельными берегами, и я понял, что сейчас услышу невероятную историю. Так и вышло.

– Было это сразу после смерти царя Ивана, который по прозвищу Грозный. При царе в тереме жил один боярин средней руки с семьёй, ничем особо не примечательный. Как сейчас сказали бы, фраер. А потом на него кто-то стукнул Ивану – оклеветали по полной программе – и тот, не разбираясь, приказал уничтожить всё семейство. Говорят, пытали страшно – и боярина, и жену, и деток, и челядь. А потом полуживых засмолили в бочки и сбросили в реку – прямо в том месте, где лагерьк теперь... Так что, Пушкин видать

не с потолка взял про то, как живых людей в бочках по морю пускали...

Боцман нахмурился и замолчал, видимо вспоминая детали старинной истории, рассказанной ему много лет назад. Я присвистнул – такого «исторического» поворота от дежурной зэковской байки не ожидал. Смутная догадка о страшном происхождении речных огоньков заставила забыть все печали и невзгоды, включая собственный срок и неприглядную тюремную реальность. Однако, это было только начало странной и мрачной истории, которую минуту погодя продолжил излагать беззубый старик-уголовник.

– Терем несколько лет стоял пустой под царской печатью. А перед самой смертью царь пожаловал его своему тайному прислужнику, итальянцу по имени Яго. Тот вроде как при царе последние годы отирался, доверие у него имел. И умирая, царь ему наказал сына сберечь, Дмитрия. Ну того самого, которого потом вроде как в Угличе грохнули. Не доверял, видать, всем этим своим Годуновым-Шуйским. И не зря, судя по тому, что в Углич до сих пор иностранцы толпами валят – поглазеть на место, где царскому сынку горло перерезали...

Яго этот был смекалистый кент и придумал хитрую маклю. Выписал из Италии живописца и посадил его с царевича портрет писать. А потом взял этот портрет и стал с ним окрестные деревни объезжать, да на пацанов поглядывать. Всех похожих забирал с собой, а иногда и не похожих тоже,

просто смазливых. И что уж он там в своей крепости с ними делал, никто наверняка не знает, но говорят, регулярно в реке мертвые детские тела находили. Почище Синей Бороды италяшка развлекался... Местные жители боялись этого Яго больше чем огня, прятали детей, семьями уезжали в Сибирь, в леса северные уходили... Страшные дела там творились, короче.

Душегубствовал по полной программе Яго, но дело своё знал – двух мальчишек, похожих на царевича как отражение в зеркале, внедрил в окружение пацана и его мамы – в ожидании подлостей со стороны жаждущих заполучить царское кресло. И ведь в правильном направлении скумекал – случай такой быстро подвернулся. Ты ведь историю изучал в школе, слышал про то, как мальчика прямо во дворе порешили? А после, лет через десяток всякие Лжедмитрии на Русь полезли?

– Да что-то такое слышал, только помню смутно, – откликнулся я. Школьные годы оставили в голове туман и обрывочные воспоминания, в которых исторические факты плавали как обломки палубы после кораблекрушения.

– А слышал, что ворами в старину самозванцев называли? Так что, у воров самое что ни на есть древнее и благородное происхождение, – Боцман хмыкнул, радуясь остроумному ходу мысли. – А вообще, не все самозванцы были ворами; самый первый Лжедмитрий так точно не был. Яго этот не дурак оказался интригу завернуть.

Донесли ему верные люди, что готовится покушение на мальчика. Приехал он в Углич тёмной ночью, заперся с его мамашей в светлице, промыл ей мозги по-хорошему, да и забрал царевича с собой, в свой «терем Дракулы». Засветло выехали в закрытом экипаже, чтоб никто не видел. Вместо царевича подставной остался. И всего через несколько дней зарезали его прямо во дворе. Говорят, страшное дело было. Народ в ключья разорвал виновников.

Казалось бы, после разборки можно было и царевича предъявить – но нет, Яго был не так прост. Он был дальновидный политик, как выяснилось. Придержал царевича как шулер козырь в рукаве, до поры до времени. Парнишка подрос, натаскал его Яго, уму-разуму научил. А когда момент сложился подходящий, он раз! И выставил нужную фигуру на шахматную доску. Шах и мат, так сказать объявил тогдашней верхушке. И мамаша Диму признала. И народ. Но...

– Что «но»? – уточнил я, лихорадочно пытаюсь вспомнить историю Лжедмитрия. В голове была звенящая пустота и смутное ощущение, что всё кончилось плохо.

– Баба его сгубила, – ответил Боцман весомо, – я всегда говорю, что всё зло от баб. Хоть ты царевич, хоть блатной, хоть легавый, а всё одно – пойдёшь у бабы на поводу, потеряешь всё. В общем, как телёнка парнишку увела за собой хитрая полячка. Перестал он слушать советы Яго, увлёкся, глупости начал делать одну за другой. Ну и в общем, сдала она его. И грохнули его второй раз – уже по-настоящему.

Чифирнём?

Не дожидаясь моего ответа, Боцман кликнул знакомого шныря и послал его за кипятком. Достал кругаль, насыпал в него щедрую горсть чёрного чая и задумался. То ли о судьбе канувшего в Лету Лжедмитрия, то ли о бабах, от которых всё зло.

– А что же Яго? – поинтересовался я. Таинственная фигура бывшего советника грозного царя во всей этой истории казалась самой интригующей. Я бы не удивился, если бы Боцман вдруг рассмеялся демоническим смехом и сказал бы мне, обнажив окровавленные клыки: «А я и есть Яго». Ничего такого, разумеется, не произошло.

– Яго? Доподлинно неизвестно, как он закончил свои дни, – ответил Боцман флегматично. – Но в народе поговаривают, что под конец жизни случилась с ним страшная болезнь. Такая же, как когда-то с царем Иваном. Кости ноги начали разрастаться – и под конец уже вся нога его была в ужасных наростах, так что он совсем не мог ходить. И такая адская боль его мучила, что он на всё более страшные зверства шёл, лишь бы её заглушить. Детишек живьем ел, ванны из тёплой крови делал... Не хочется даже пересказывать, какие гадости вытворял... Говорят, во время приступов кричал так, что, казалось, сам Сатана воет.

Боцман вдруг мелко перекрестился. И я за ним – на всякий случай.

– Ходила легенда, что местные жители его на кол посади-

ли, когда Лжедмитрия не стало. Но сдаётся мне, что умер он в своей постели, от болезни – как это часто бывает со всякой мразью. И всё что осталось от него – это странное прозвище, которое в последние годы к нему приклеилось...

– Что за прозвище? – нетерпеливо спросил я, когда понял, что Боцман не намерен продолжать историю. Тот взглянул на меня с лёгкой усмешкой, и ответил.

– Ну как же. Ты его верняк знаешь. Да и вообще все знают. Только со временем подзабылось, откуда оно пошло и кому принадлежало. И люди думают, что это просто выдуманная сказочная кликуха. А оно вон что.

Снова повисла пауза. Шнырь принёс кипятку, Боцман залил заварку и накрыл кругаль газетой. Запахло душистым чаем. Пошуровав в сидорке, Боцман достал мешочек с карамельками и комочками сахара. Я почувствовал, что ёрзаю. Ох уж этот Боцман, заинтриговал и молчит. Терпение моё кончилось, и, подавая ему плошку, я повторил свой вопрос.

– Что за прозвище-то, Боцман? Не томи.

Тот хмыкнул, и, наливая чифир, ответил:

– Яго – костяная нога.

Думка

Лику не спалось. Звезды катались на листве цветущих яблонь и перемигивались друг с другом. Лике тоже хотелось кататься и перемигиваться. Но было не с кем. Артем, как в старинной песне Высоцкого, не вернулся из боя, навсегда оставшись двадцатилетним. Она теперь уже на четыре лет старше чем он. А когда-то была на два года моложе...

Лику вздохнула и отвернулась к стене. Нечего этим звездам так нагло светить в окно! Ночью надо спать. Надо! Спать! Вот только кому надо? Зачем? Утром никуда не вставать. Суббота. Дел срочных нет, бежать никуда не нужно. Можно хоть весь день проваляться в постели. Хотя, конечно, валяться Лика не привыкла. Да и ветеринар с местной фермы обещал с утра заскочить – посмотреть, что с Думкой.

Думкой звали Ликину собаку. За пару месяцев до гибели Артем приехал домой в короткий отпуск – на похороны к отцу. С отцом они никогда не ладили. Уж больно тот любил водку. Так больно, что на семью любви не оставалось совсем. Поэтому его смерть для жены и детей особой трагедией не стала. Но зато на несколько дней выдернула Артема из армии...

Схоронив батю, он пришел к ней, и они целый день провели вместе. Целый день и целую ночь. Так же смотрели в окно звёзды, перемигивались и катались на листьях. Только Лика

с Артемом их не видели. Некогда было.

На следующий день ему надо было возвращаться в часть. Утром он ушел к своим. К матери, которая пеняла, что даже в такую трудную годину он «зависает у своей Ангелики». Прежде чем уехать на вокзал, он на минуту забежал к ней.

Не один.

Стукнув в окно, он запрыгнул на крыльцо и что-то достал из-за пазухи, сунув это в руки выбежавшей навстречу Лике. Они целовались прямо на пороге, жадно и крепко, в отчаянии влюбленной юности, ненавидящей разлуку. Вдруг Лика ойкнула и отпрянула. Мягкий комок, который она приняла за плюшевую игрушку, заерзал у неё в руках, стараясь устроиться поудобней.

Оказалось, что это крошечный живой щенок.

– Думай обо мне почаще, – сказал Тёмка, уходя. – Мне это очень важно! Чтобы ты думала. А псина пусть напоминает обо мне. Если, не дай Бог, забудешь!

Он подмигнул ей, улыбнулся, поцеловал ещё раз и побежал к ждущему в старом «Москвичонке» брательнику. Скрипуче бибикнув, машина сорвалась с места и повезла её любимого в сторону неминуемой гибели.

Больше они не виделись. Его даже хоронить не привезли.

Через два месяца к матери Артема приехали серьезные дядьки из райвоенкомата и какое-то областное начальство. Привезли медальку на красной подушке, его личные вещи и справку о смерти. И сберкнижку с небольшой суммой. Ска-

зали, попал её Тема в плен и погиб там «смертью храбрых». Где и в какой плен можно было попасть в мирном, ни с кем не воюющем государстве – было государственной тайной. Мать повыла, покричала, побилась головой об стену и прямо при них превратилась в старуху. С того дня она всегда ходила с черной косынкой на голове, в душе отчаянно надеясь, что всё это окажется ошибкой.

Так прошло шесть лет.

Собака, которую Лика назвала Думкой, стала ей родной. Лохматый клубок был единственным напоминанием о том, что Артем был в Ликиной жизни. Каждое утро начиналось с того, что клубок залезал к ней в постель и весело облизывал лицо. Спасения не было нигде, даже под одеялом. Если Лика пряталась, клубок начинал скулить и туда-сюда сновать по одеялу.

Когда пришла страшная весть, именно Думка дала ей силы жить. Но сейчас дела у неё были плохи. Второй день она ничего не ела, не гоняла по двору, а только ползала на животe и тоненько скулила.

Ветеринар пришел ровно в девять – сразу после утренней планерки на ферме. Аккуратно перевернув Думку на спину, он потрогал ей пальцами живот. Потом открыл пасть, осмотрел язык и задал пару уточняющих вопросов. Думка терпеливо поскуливала, давая себя осмотреть. Как будто надеялась, что большой человек с шершавыми руками её обязательно спасет.

Наконец, он поднялся с корточек и сказал Лике совсем неутешительные слова.

– Не помогу я твоей собачке, Анжелика. Похоже, кто-то сильно пнул её, отбил внутренние органы. Могу только усыпить. Если доживет до завтра, приноси на ферму, укол сделаю, чтобы не мучилась. Сегодня не смогу – начальство всё на местах. Светиться незачем. Но скорее, она сегодня подойдет. Так что, копай могилку... И не плачь, ей уже не поможешь ничем...

Лика проводила его до калитки и вернулась к Думке. Собака не шевелилась, а её черные глазки-пуговки стали мутными, как будто покрылись пленкой. «Кто могу её пнуть? Кому она помешала? Маленькая добрая собачка», Лике было обидно до невозможности. Думка иногда выбегала за забор, встречая и провожая каждого прохожего радостным вилянием хвоста. Местные жители знали её дружелюбный характер и часто брали с собой всякие вкусности, чтобы побаловать псину. Наверное, в тот день мимо проходил какой-то чужак. Жестокий и обозленный на весь мир...

Погладив собаку по голове, девушка пошла в сарай за лопатой. Обливаясь слезами, она выкопала ямку у забора, отгоняя непрошенные тоскливые мысли.

Вечером, положив едва дышащую Думку на мягкое кресло, она легла спать. И опять долго не могла уснуть, глядя на перемигивающиеся звёзды в окне. А когда уснула, ей приснился Артём.

Раньше он часто снился ей, но потом эти сны прекратились, сменившись ночными провалами в пустоту. И вот сейчас она снова видела его. Видела таким, как в тот день, когда они расстались. В полосатой «десантной» майке, с загорелыми накачанными руками. Он сидел на корточках у калитки её дома и гладил Думку. Она хотела подойти ближе, но что-то как будто не пускало. Ей хотелось разглядеть его лицо, но он смотрел на собаку. Собрав все свои силы, Лика сделала шаг в его сторону. Не поднимая головы, он вдруг протянул к ней руку. В руке был маленький букет оранжевых цветов.

«Ноготки... Это же ноготки», – подумала она и проснулась. Сердце отчаянно билось. Как будто не со сна, а после стометровки. Первым делом Лика бросилась к креслу с Думкой. Глаза у собаки были закрыты, но она была жива. Тусклая шерсть на впалых боках колыхалась в такт слабому дыханию.

Лика умылась, сбегала к соседке за парным молоком. Вернувшись, сорвала несколько цветков календулы, которые росли у неё вдоль стежки. На лепестках ещё блестела утренняя роса, когда Лика бросала их в плошку с теплым молоком, предварительно поставленную на конфорку газовой плиты. Рецепт вспомнился ей сразу, как только она проснулась. Когда-то бабушка так лечила деда, когда у того обострялась язва. Бабушка говорила, что этот отвар – лучшее, что можно сделать при внутренних кровотечениях...

Лика думала, что давно забыла «бабушкин рецепт»,

но странный сон воскресил в памяти его компоненты. С полчаса поколдовав над плитой, она остудила отвар и влила несколько капель Думке в горло. Собака лишь чуть приоткрыла глаза. У неё не было сил даже скулить...

Когда через пару часов Лика влила ей в пасть ещё отвара, Думка лизнула ей руку.

Всё воскресенье Лика отпаивала собаку бабушкиным отваром из ноготков, вспоминая детство, в котором не было родителей, а были только бабуля с дедулей. Самые любимые на свете. Родные люди. Вырастившие сироту, давшие ей образование, или, как говорили тогда – путевку в жизнь.

Вот только кому теперь нужна её жизнь, если ни бабушки с дедом, ни Тёмы давно уже нет на земле. А теперь вот и Думка погибает...

Лика то плакала, то суетилась вокруг собачки, то надолго задумывалась, глядя в одну точку. Наконец наступила ночь. Время, когда звезды катаются на листьях яблонь. Лика ворочалась из стороны в сторону, пытаясь уснуть и прислушиваясь к дыханию Думки. Как-то незаметно вдруг забрезжил вкрадчивый рассвет. Лика поднялась и стала собираться на работу. Выходные вдвоем с больной собакой показались ей бесконечными.

Бросив рассеянный взгляд на кресло, девушка вдруг увидела, что в нем никого нет.

– Думка, Думка, – позвала она встревоженно.

На голос из сенцев приковыляла Думка. На пошатываю-

щихся ногах, но живая! С блестящими глазами!

– Думка, ну как ты, малыш? – спросила Лика, присев и протянув к собаке руку, которую Думка тут же лизнула.

Через два дня она уже выходила из дома. А к концу недели начала потихоньку есть из миски. Все эти дни Лика делала ей свежий отвар ноготков, поглядывая время от времени на вырытую у забора ямку. «Надо засыпать её!» – думала она каждый раз, но руки всё не доходили.

И вот опять настала суббота. Лика проснулась со странным чувством. Ей казалось, что она снова видела какой-то важный сон, но только никак не могла его вспомнить. Думка лежала в ногах и мирно посапывала.

Лика умылась, сварила кофе и вышла на улицу. Под большим тополем стоял стол со скамейкой, на которой она любила сидеть по утрам, когда никуда не спешила.

Утро было свежее, солнечное. Взгляд снова наткнулся на яму у забора. «Выпью кофе и засыплю её!» – решительно подумала Лика. И вдруг кто-то кашлянул.

Вздвогнув всем телом Лика повернулась к калитке. За ней стоял незнакомый мужчина с бородой, в потертой джинсовой куртке, явно слишком теплой для ясного солнечного дня.

В сердце у Лики за клубилась тревога. Не он ли – тот злой незнакомец, чуть не отправивший в собачий рай её собаку?

– Девушка, здравствуйте, – сказал незнакомец и Лика вздрогнула.

Что это?! Может это всё ещё сон? Она спит и ей только снится, что она сидит на скамейке под тополем?

Из дома выбежала Думка, повиливая хвостом. Посмотрев по сторонам, она вдруг взвизгнула и побежала к калитке. Бородатый незнакомец открыл её и шагнул во двор. Думка тут же начала прыгать на задних лапах и с интересом обнюхивать его ботинки.

– Смотри, какая ты выросла, Думка, – сказал незнакомец, нагнулся и взял собаку на руки.

Лица встала сама не своя и на ватных ногах пошла к калитке, где её собачка радостно облизывала бороду и лицо незнакомого и одновременно знакомого мужчины. Сквозь текущие по щекам слёзы Лица совсем не различала его лица. Просто шла к синему силуэту у калитки, повторяя как молитву:

– Тёма, Тёмочка, Тёма... Ты вернулся! Вернулся!..

Через месяц они сыграли свадьбу. Скромное, но по-настоящему счастливое застолье расположилось прямо во дворе Ликиного дома, под тополем, куда соседи принесли ещё два стола, чтобы рассадить всех гостей. Думка, возбужденная суетой, бегала вокруг молодых, стараясь лизнуть ногу то одному, то другому. Совсем седая, но враз помолодевшая мать Артема улыбалась и плакала, глядя на жениха и невесту.

У всех троих жизнь началась заново. История о том, как Артем получил в контузию, как попал в плен, а потом в раб-

ство, как бежал и два года добирался до родины, получила широкий резонанс. Местные власти подарили молодым машину, помогли Артему с работой. Счастье, наконец, пришло в дом, где по ночам звёзды катаются на яблоневых листьях.

А в вырытую для Думки ямку Артем посадил саженец черешни.

Местный агроном пообещал, что через три года она начнет плодоносить. Но что такое три года для того, кто ждал счастья намного дольше?

Жальник на горе

Ближе к одиннадцати туристы заскучали. Кремль был осмотрен, местный печатный пряник испробован, магнитики куплены. Достопримечательностей хватило на два часа с хвостиком. До обеда оставался час. А до отъезда автобуса – полтора.

И тут подал голос Генка Чурсин по прозвищу «профессор».

– Скажите, а где похоронен Борислав Смелый? Я читал, что захоронение где-то в самом центре города.

Гид нахмурился и посмотрел на Генку с явным неодобрением. Но вслух сказал:

– Всё верно. Он похоронен в восточной части старого кладбища, на так называемом жальнике. Тут недалеко.

У Генки загорелись глаза.

– А можно туда сходить?

Общественность порыв «профессора» не оценила.

– Не хватало ещё по кладбищам ходить в такой холод, – поджала губки Катя Носова, краем глаза взглянув на свои новые белые кроссовки.

– Я бы в кафетерий зашел, – поддержал Катю самый симпатичный мальчик класса Никита, – Слышите, как кофе пахнет? Хоть и глушь, а кофе, походу, варить умеют...

Генка и глазом не моргнул.

– Давайте сходим! Это же так интересно! Это же легендарная личность, фактически, четвертый по популярности былинный богатырь! И единственный, чья могила сохранилась!

Генкина восторженность передалась кое-кому из группы.

– Я бы тоже ходила, – не столько в поддержку Гены, сколько в пикку моднице-Кате брякнула троечница Ира.

– И я! И я! – раздались ещё голоса.

Гид нахмурился. Старое кладбище не входило в число посещаемых туристами объектов. Да и в целом, горожане любили это место, мягко говоря, не очень.

Точку в прениях поставила классная. Взглянув на часы, она сказала:

– Времени предостаточно. Если других предложений нет, давайте прогуляемся до жальника. А потом уже пойдем на обед.

– Как же нет? – возмутился было Никита, успевший уже представить горячую кофейную горечь во рту. Да так живо, что рот наполнился слюной. Но классуха зыркнула на него с таким неудовольствием, что развивать мысль он передумал.

– Кофеи будем дома распивать, – сказала учительница, – Для этого мы что ли за триста километров ехали?

Переговариваясь и – кто весело, кто сердито – гомоня, группа поплелась вслед за гидом. Асфальтовая дорожка быстро сменилась широкой тропой, уходящей куда-то вверх

в рощу. Тропа была явно нехоженная, местами поросшая травой и сорняком.

Кладбище и правда оказалось старым. Могилки были неухоженные, разбитые. Где с ржавыми гнутыми оградками, а где и вовсе без них.

– Последнее захоронение на этом кладбище было сделано в конце восемнадцатого века. С тех пор здесь не хоронят, – триндел без всякого выражения гид, – В древней части кладбища, так называемом Восточном Жальнике, сохранились могилы нескольких военачальников времен Золотой орды, включая татаро-монгольских. Из известных исторических личностей тут похоронены князья Иван Городецкий и Андрей Красный. А также Борислав Смелый, известный в славянской мифологии как борец с Черным Змеем. Большинство захоронений относятся к 13—14 векам...

– А что это за Черный змей такой? – спросила обладательница белых кроссовок. Гид сделал вид, что не услышал вопроса, и она переадресовала его Генке-профессору.

Генка мгновенно расправил плечи, сделал умное лицо и ответил, нарочно растягивая слова:

– Доподлинно неизвестно, потому что многие русские былины имеют иносказательный смысл. Считается, что речь идет о ком-то из темников Золотой Орды, но конкретное имя не сохранилось.

– Я из «темников» знаю только Лену Темникову. Это не про неё? – пошутил красавчик-Никита и все дружно за-

гоготали.

Генка смерил шутника испепеляющим, как ему казалось, взглядом и смолчал.

– Ну, вот мы и дошли, – сказал гид, показывая рукой на заросший бурьяном островок, среди которого виднелись серые и черные камни.

– Смотрите, тут какие-то странные надписи на камнях, – пропищала Галя, метр с кепкой.

Все подошли поближе. На двух лежащих рядом серых камнях было выбито «отр. ДаНиил Вепрь, СИЕС» «отр. СимеоN ФомиN, СИЕЗ».

– Интересно, что это значит? Ген, знаешь? – троечница Ира с надеждой взглянула на Генку, но он только досадливо покраснел. Загадку камней снисходительно разъяснил гид.

– Это даты смерти. На старославянском цифр не было, даты и номера писали буквами. Здесь указано что отроки умерли в ... (он беззвучно пошевелил губами, видимо, в уме переводя буквы в цифры) в 6856 и 6857 годах.

– Ого! Так это могилки из будущего что ли? – опять хмыкнул весельчак Никита.

Но тут уже началась область знаний, знакомая Генке.

– До Петра Первого было совсем другое летоисчисление. Счет велся не от рождения Христова, как сейчас, а от победы Руси над Древним Китаем! – выпалил профессор.

– Садись, пять, – опять пошутил Никита и все захмыкали.

Группа подростков разбрелась по заросшему полынью

и бурьяном пригорку. Кто-то делал селфи на фоне гигантских булыжников-памятников, кто-то пытался разобрать полустертые надписи.

Генка с замиранием сердца разглядывал могильный камень с именем Борислава Смелого.

Труднопонимаемыми старославянскими буквами на памятнике было написано, что Борислав обрел славу в неоднократных битвах с черным змеем, а в конце жизни пал от его когтей. Умерщвленный, но несломленный духом. Надпись интриговала.

«Как можно всю жизнь биться с одним и тем же змеем», – думал про себя Генка. «Наверняка тут какая-то загадка».

– А давайте пиццу сюда закажем, – раздался совсем рядом голос шутника-Никиты и отдельные девичьи хихиканья. – Помянем отроков. Да и князей с богатырями тоже...

Мрачный гид курил в сторонке, не приближаясь к черным камням. К нему подошла классуха и прикурила тонкую сигаретку.

– Вам тут явно не нравится, – констатировала она. – Интересно, почему?

Гид поколебался, но все-таки ответил:

– Нехорошее это место. Мне ещё бабка рассказывала, что тут по ночам мертвецы из могил встают. Сказки, конечно, но были случаи...

Он не договорил и учительнице пришлось снова спрашивать.

– Что за случаи?

– Коротко не расскажешь. Когда-то давно тут некоторые смельчаки пытались могилы раскапывать. Археологи хроновы. В считанные дни поумирали сами. А за ними и семьи. Я ещё совсем мальчишкой был, когда такое последний раз случилось. Человек шесть за неделю выкосило... Собак дохлых тут постоянно находят. Да и вообще... Старики говорят, где-то здесь дух Черного Змея бродит.

Гид взглянул в напряженное лицо учительницы и усмехнулся.

– Вы не думайте, я не дремучий и не суеверный. У меня два высших образования, между прочим. Просто есть вещи, от которых лучше держаться подальше. Как говорится, не буди лихо, пока оно тихо.

Где-то прямо над ними пронзительно закаркала ворона. От неожиданности училка чуть не выронила сигарету. Вздвогнув всем телом, она повернулась к могильнику и стала звать ребят.

– Так, народ, на выход! Идем греться и пить кофе! И побыстрее, не задерживаем коллектив!

Подростки потихоньку потянулись по тропинке в город.

Неугомонный Генка-«профессор» украдкой взглянув на одноклассников нагнулся к могиле Борислава. Достав из кармана перочинный ножик, он начал лихорадочно скалывать с черного могильного камня прилипшую к нему в самом низу окаменелую ракушку.

«Отдам папке, пусть сделает у себя в лаборатории анализ. Может что интересное найдет», – думал Генка, изо всех сил отколупывая ракушку.

– Гена! Чурсин! Ты где запропал? Все тебя ждут, – позвала учительница, и Генка поднажал. Ракушка отломилась и, довольный добычей, он сунул её в карман куртки.

...Полчаса спустя автобус со школьниками медленно ехал в сторону Москвы. Кто-то сидел в айфонах и постил свежие селфи в соцсетях, кто-то, надев наушники, слушал Вована и Эстрадураду.

«Профессор» Генка сладко дремал в высоком автобусном кресле.

А в кармане его куртки дремала чумная палочка *Yersinia pestis*; «Черный змей», в незапамятные времена сразивший тысячи древних русичей и врачевателя Борислава.

Кафтан

Случалось ли Вам, уважаемый читатель, испытывать непонятное волнение или даже лёгкую тревогу, выполняя нечто обычное и, в общем-то, совершенно не опасное? Например, открывая бутылку шампанского, забираясь на стремянку или, скажем, надевая через голову свитер или водолазку. Последнее вообще непонятно как попало в этот список, ведь что может за эти две секунды случиться страшного? Ну, разве что нечаянно наэлектризуются и встанут дыбом волосы, нарушив причёску.

Конечно, у особ чрезмерно чувствительных и наделенных болезненным воображением возможно и случаются приступы иррационального страха. Например, может на миг показаться, что вдруг вынырнешь из тряпичной горловины пуловера где-то в другом месте, а то и вовсе в другой реальности. Но страхи эти ни на чем не основаны и настолько мимолётны, что даже испытавший их вряд ли об этом помнит.

А ведь новейшей истории известен один душераздирающий пример, который обернулся для человека настоящей трагедией. Правда, знают о нём немногие, но это ничуть не умаляет правдивости факта. Но обо всём по порядку.

Случилось как-то большому дальневосточному чиновнику приехать в Санкт-Петербург на серьёзное мероприятие государственного уровня. Отметившись на форумах и сове-

щаниях и оставив размашистую роспись в разных протоколах и коммюнике, мужчина упал в объятия «северной Пальмиры». Давненько не бывал он на берегах Невы – фактически со времен студенчества, – сделав за эти годы взлёт, не снисвшийся и более амбициозным карьеристам.

Питер неуловимо изменился. Появилось много новостроя, улицы пестрели вывесками кафешек и торговых сетей, ранее городу не ведомых, людей и машин стало больше в разы. Но в целом Питер остался тем Питером, который ещё помнился ему со студенчества и который так и не вытеснили новые впечатления. Мрачное небо, солёный ветер с Балтики, многозначительность молчаливой архитектуры, интеллигентные старички, стайки баркасов и катеров на Неве и Мойке и многое другое, что невозможно передать словами...

Чиновник погонял по ночному Питеру на служебной машине, полюбовавшись сиянием Невского и огнями патрульных машин. Оставил целое состояние в подпольном казино. Перепробовал все деликатесы в паре-тройке самых дорогих ресторанов города. Полюбовался Петропавловской крепостью из окна вертолёта. Купил новенький «БМВ» в подарок девчонке, которая провела с ним две страстные ночи в «Астории». Был даже замечен в театральной ложе на спектакле самого известного русского «мушкетёра».

В общем, расслаблялся как обычно – и культурно, и не очень. Однако воспоминания о студенческой романтике

требовали чего-то особенного, не позволяя удовлетвориться стандартным набором выездных развлечений. Свита наперебой предлагала ему всё новые идеи увеселений, однако он пресыщено отметал их одну за другой. Отметал, пока его пресс-секретарь не вспомнил о своём давнем знакомстве с одним этнографом, ведущим специалистом Эрмитажа. Тут-то чиновнику и пришла в голову блестящая, а главное, свежая идея!

– Договорись о ночной экскурсии в Эрмитаж, – приказал он пресс-секретарю, – Обещай любые бабки. Нарядимся в старинные наряды и устроим в Зимнем ночной прием! Вот это будет тусовка!

О ночной тусовке договориться не удалось. Однако приятель пресс-секретаря оказался мужчиной предприимчивым и сделал встречное предложение – организовать ночную экскурсию для секретаря и его хозяина в закрытую часть Зимнего дворца Петра, пообещав, что там они смогут увидеть «такое, что никогда ещё не выставлялось ни в одном музее». «Вы сможете потрогать историю», – сказал он, и эта фраза подкупила нашего героя, решив его судьбу.

В тёмном дворце было сухо и пыльно. Большие высокие комнаты напоминали склад забытых вещей. На полках лежали книги, шкатулки, шпаги, чертежи, какие-то подписанные и запакованные в прозрачные пакеты предметы. Вдоль стен стояла мебель – в основном кресла, диваны и диванчики. В одном из залов они наткнулись на клавесин. Несколь-

кими шагами позже им попала механическая шарманка. Заинтригованный гость нащупал в полумраке гладкую деревянную ручку и потянул её. Раздался лёгкий металлический скрежет, и в зашторенной зале с легким скрипом зазвучала какая-то знакомая мелодия.

Все трое прислушались – шарманка выводила знакомое с детства «Чижик-пыжик, где ты был...» Зачинщик ночного мероприятия вполголоса хмыкнул: «Новодел, что ли? Ну что ж, господа, после экскурсии приглашаю всех на Фонтанку. Там есть одно шикарное место, отметим наше приключение!» Господа что-то промычали в ответ, по-видимому, соглашаясь.

Прогулка по ночному дворцу царапала нервы. Троица пару раз смахивала с лица паутину. Гид-этнограф светил большим фонарём, не решаясь включать освещение. В одной из комнат они чуть не закричали в голос – на высоком стуле сидел царь Пётр и смотрел на них в упор в свете фонаря. «Он восковой», – предупредил проводник и чуть не бегом повел их дальше.

Погуляв с полчаса, собрались уходить. И тут взгляд заезжего гостя упал на длинную вешалку со старинной одеждой. – Ну-ка посвети! – бросил он проводнику.

Чего только не было на этой вешалке! Камзолы, платья, кафтаны, кринолины, рубашки, мундиры...

Станный трепет охватил чиновника. Это были не театральные костюмы, а настоящая одежда; её носили реальные

живые люди! Люди, о которых когда-то мальчишкой он читал в учебниках!

В свете фонаря он читал вслух надписи на бирках: «выходной мундир адмирала Федора Апраксина», «шутовской кафтан князя Шаховского», «платье камер-фрейлины Марии Гамильтон»...

– А царских нету? – не отрываясь от вешалки, спросил чиновник.

– Никак нет, – на военный манер отозвался проводник, – царские хранятся в отдельном помещении, под сигнализацией.

Сановник с каким-то болезненным азартом продолжал разглядывать вещи. Ему казалось, что он трогает не сукно и шелк, а прикасается к истории. Петли, строчки, рукава, воротнички, обшлага, пуговицы, карманы, лифы и рюши помнили тепло своих хозяев, давно канувших в вечный мрак.

«Надо бы на удачу украсть пуговицу с мундира Суворова, если тут есть такой», – подумал чиновник. По потолку и стенам бродили причудливые тени, пресс-секретарь нетерпеливо переминался с ноги на ногу, мечтая поскорее выбраться под небо ночного Петербурга, а его хозяин всё разглядывал экспонаты, позабыв обо всём.

Его внимание привлёк украшенный золотым позументом широкий кафтан из красного сукна, пуговицы которого были инкрустированы крупными рубинами.

– «Охотничий кафтан адмиралтейца Александра Васи-

льевича Кикина», – прочитал он вслух. – А кто он такой, Кикин?

– Первый начальник Адмиралтейства, кораблестроитель, дворянин, приближенный Петра Первого, – коротко пояснил гид.

– Шишка, значит, – заключил чиновник, – слушай, примерю-ка я его кафтан. Ты не против, дружище? Мне кажется, у меня с Кикиным один размерчик. Валентин, сделай пару фоток на телефон, – скомандовал он оробевшему в полумраке секретарю.

Не обращая внимания на сбивчивые протесты проводника, дальневосточный гость стал натягивать на себя кафтан. Когда его голова протиснулась через ворот, случилось нечто невероятное.

Сановник вдруг почувствовал сильный холод; ноги и руки его онемели и не слушались. Тело пронзила острая боль, и он закричал не своим голосом. Уши заполнил гул толпы, в которой кто-то ритмично выкрикивал: «Бей! Бей!» В глаза ударил свет, чуть привыкнув к которому он увидел над собой укутанное грязными облаками небо, и душа его замерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.